

Эвелина Азаева

Эвелина Азаева – журналист. Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Являлась корреспондентом «КП» в этой стране. В 2018–2020 годах издавала в Торонто газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, – «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах: «Нева», «Наш современник», «Дружба народов» и др. Дипломант I-й степени литературного конкурса «Мгинские мосты» (Санкт-Петербург, 2021), спецприз издательства «Вольный странник» (2022), третье место на долатовском конкурсе «Вы Долматов? – Приблизительно!» (Санкт-Петербург, 2021).

ВСЕМ ДОЛЖЕН

Рассказ

Игорь Петров ехал в поезде из командировки вторые сутки, и ему было скучно. Попутчица попалась неразговорчивая. Девушка принесла с собой кучу женских журналов и активно их «поедала» – один за другим. Поедала – это потому, что она читала их, как заметил Игорь, от корки до корки. И даже что-то подчёркивала.

Ему не хотелось читать дамские издания, но Интернет не работал, и мужчина, смущаясь, спросил, можно ли ему взять то, что попутчица уже прочла. Она разрешила. Кипа журналов перекечевала на его полку.

До сего дня нейрохирург челябинской больницы Петров не читал таких журналов. Потому принялся за дело не без любопытства. Страницы с рецептами очень понравились – блюда оказались несложными, но выглядели красиво и аппетитно. Страницы моды не произвели впечатления. Модели были слишком худые, с лицами инопланетянок. Героиновый взгляд, голубые губы, лысина.

Однажды Петров видел модель вживую. Он сидел за столиком в кафе, а девушка прошла мимо. Точнее, прошли ноги в капроновых, телесного цвета колготках. Большие, мощные ноги. Как у жирафа. На эти ноги все посетители уставились – головы так и повернулись, но не от их красоты, а оттого, что голое тело в морозы всегда обращает на себя внимание. Уставились и потому, что ноги были необычные – как столбы, которые проносятся мимо, когда едешь в поезде.

Когда Петров учился в школе, высокие девушки не считались красивыми. Таких обзывали каланчой или оглоблей. Красивой считалась Венера Милосская, у которой всё пропорционально. И по сей день, в свои сорок восемь лет, Петров считал, что главное в фигуре – пропорциональность. Мера. Чтобы не высокая, не низкая, не худая, не полная. Est modus in rebus. Всеми есть мера.

Рассмотрев картинки, Петров принялся за чтение. И оказалось, что во всех журналах главной темой является – как охмурить мужчину и как его удержать. Петров даже не подозревал, что женский пол так агрессивно настроен на охоту. Что она составляет суть бытия. Мужчина в статьях преподносился как олень. Дичь. Которая не имеет ни своего вкуса, ни мнения, а легко управляется по тем или иным законам, как машинка на дистанционном управлении. Рассказывалось, на какие кнопки нажимать.

Некоторые советы были неожиданны. «Если страсть мужчины поутихла, нужно разнообразить сексуальную жизнь. Перед тем как он придёт с работы, снимите трусики, наденьте короткое платье и на коленях мойте пол. Оставьте дверь незапертой, чтобы, когда он войдёт, ему предстали ваши ягодицы...»

Петров оторвался и посмотрел в окно. Если бы кто-то его увидел в этот момент, то потом хвастался бы, что видел человека с глазами на лбу. Петров представил. Что входит в квартиру, а там его супруга, историк, кандидат наук Мария Николаевна Петрова, на карачках, без трусов, пол моет. Мысли забегали. Первое, что возникло в душе врача, это неестественное для представителя его профессии желание схватить Машу за волосы и шибануть головой о стену... Потому что – а вдруг первым в дом вошёл бы шестнадцатилетний сын? С друзьями.

Нет, наверное, он подумал бы, что Машка сошла с ума. Такое бывает. Когда в человеке дремлет душевная болезнь и он находится всю жизнь в пограничном состоянии. Если жизнь складывается благополучно, так и проживёт всю жизнь здоровым. А если начнутся испытания, тяготы, то человек нередко выпадает туда, за черту, на больную свою сторону.

Читая дальше, Петров узнал, что не так тяжело соблазнить мужчину, как удержать. Потому что он изначально настроен на бегство. Полигамен, и точка. А потому женщине «в борьбе за это» нельзя ни спать, ни есть, уверяли журналы. Утром женщина должна проснуться пораньше, чтобы мужчина не увидел её без макияжа и с нечёсаными волосами. Надо умыться, накраситься, почистить зубы и лечь рядом. Чтобы любимый думал, что ты всегда такая... Утром и в течение дня есть не следует. Ну, или можно съесть морковку, сырую овсянку (запарив её в воде), на ужин – листик салата.

Как женщина будет работать на этом топливе, журналисты не сообщали. Из статей как-то так получалось, что женщины не работают, а ходят по спа, занимаются йогой и медитацией.

Утром спать нельзя, но и ночью тоже, учили журналы. Ты спи, но не до конца. Потому что в течение ночи надо прижиматься к партнёру «невзначай» выпуклыми частями тела. Чтобы к утру он сделал своё мужское дело и уходил на работу равнодушным к сексуальным сигналам других женских особей. Домашняя одежда, объясняли журналы, должна быть призывной. Непременно купите тапочки на каблучке, с помпонами, и прозрачный пеньюар.

С этим Петров согласился, но вздохнул: не по климату совет. Не Калифорния, чай. А мохеровых пеньюаров в Челябинск не завезли... Он вон в перестройку ковёр со стены снял, так как СМИ ухаживались над коврами на стенах, и с тех пор жена спит, прижавшись к холодной стене. Точнее, одеялко колбасой свернёт и кладёт между собой и стеной. Их квартира – угловая. А как раньше, при СССР, хорошо было – стена тёплая, ковровая, лежишь – узоры разглядываешь. И никакой тебе бессонницы, под это разглядывание непременно уснёшь.

Далее журналы уверяли, что невыспавшаяся, голодная, встретив мужа без трусов и на карачках, женщина ещё и не должна говорить с ним ни о чём неприятном. И не просто не говорить о неприятном, а – говорить о приятном. Рассуждать на темы, которые ему нравятся. Для этого заранее следует изучить рыбалку, охоту, футбол, хоккей, коллекционирование монет, конструирование самолётиков, узнать всё о машинах... И вот только он поел приготовленное тобой (но не попробованное! Ты на диете) «мясо по-царски», а ты к нему сразу с предложением:

– А давай футбол посмотрим!

А на следующий день:

– А что это ты давно на мальчишник не ходил? Пора, пора...

Но при этом, предупреждали журналы, «нельзя себя терять в любви к нему», потому что мужчины любят не только ухоженных, но и самодостаточных. И если мужчины-коллеги (а-а-а, так всё-таки предполагается, что читательницы работают!) оказывают тебе знаки внимания, не следует уклоняться от флирта, он стимулирует.

Сразу после этого совета в журнале шла статья «Как сказать партнёру, что у вас генитальный герпес». О, это была статья познавшего жизнь человека! Журналистка предупреждала, что в первую очередь надо правильно выбрать время и не говорить в лоб. То есть нельзя позвонить мужчине на работу и выпалить: «А между прочим, у меня генитальный герпес!» Или заявить ему об этом среди шумного бала – на 23 февраля или на День десантника. Надо выбрать такой день, советовала автор статьи, чтобы у обоих было свободное время и спокойный настрой. Не плохое настроение, но и не очень хорошее (чтобы партнёра кондратий не хватил от перепада температур).

Лучше всего, говорилось в статье, не сообщать плохую новость на его территории. Но и на своей тоже – не лучшее. Хотя на своей лучше, чем на его. Потому что (это Петров уловил между строк) на вашей территории вас хоть с лестницы не спустят, а с проклятиями удалятся. Но всё же, рассуждала журналистка, лучше новость о герпесе сообщать в общественном месте. В кафе, парке – там, где вас могут спасти. А как сообщать? Начните издали, советовала сотрудница редакции. Петров представил, как он издали начинает...

«Знаешь, к нам в больницу сегодня приезжала делегация из Германии. Долго мы с ними говорили, опытом обменивались... Телевидение нас снимало... А потом я почувствовал, что голова болит, и жжение какое-то в половых органах, отёчность... и подумал: а не генитальный ли у меня герпес? Ну, конечно же, нет... Ведь это заболевание, которое передаётся половым путём, так что какое это имеет ко мне отношение? Никакого... Но провериться тебе надо бы».

А учитывая, что Маша – историк, можно было бы начать не просто издали, а из глубины веков. «А знаешь ли ты, Машенька, что у вирусов тоже есть история? Знаешь ли ты, что про генитальный герпес есть упоминания у Геродота и Гиппократы? Болезнь также упоминается в источниках семнадцатого века, как свойственная парижским проституткам». И тут, не давая Маше передохнуть, надо безмятежным голосом сказать:

– И у меня, ха-ха, как у Геродота...

После всего этого женщина, как учили журналы, не должна ревновать. То есть не случай с герпесом имели в виду, а вообще призывали никогда не ревновать. «Ревность – путь к разрушению брака, – писали они чёрным по белой глянцевой бумаге. – Ревностью вы убиваете доверие, а без доверия – не жизнь. Если вы заподозрили своего возлюбленного, не надо за ним следить. Следите за собой. Потому что от ухоженной женщины муж не уйдёт».

В общем, предполагалось, что в ответ на Геродота и герпес Мария Николаевна Петрова улыбнётся и купит себе абонемент в фитнес-центр.

Далее Петров просмотрел статьи на темы: как отбить мужа у любовницы; как отбить мужа у его мамы; как отбить мужа у его друзей; как заставить женатого любовника жениться на вас; как подружиться с бывшей женой твоего мужа; как снять порчу; как действуют заговоры-«присушки» и заговоры-«отсушки»; что делать с «венцом безбрачия»; как найти любовника на выходные; как избавиться от любовника; «Чакры и яйца-тренажёры» (яйца подразумевались каменные, из малахита или оникса); «Что делать, если он спит с твоей подругой», «Что делать, если тебе нравится его друг?», «Как поднять самооценку», «Как спуститься с небес на землю», «Почему я всё ещё не жена миллионера?», «Зачем нужен муж?».

Последнюю статью Петров прочёл до конца. Там всё было – мудрей не скажешь. Говорилось, что глупые женщины ждут от мужчин детей, отцовства, денег, защиты и всего такого прочего. А это неправильно. Потому что, когда мужчина не даёт ни того, ни другого, ни третьего, женщина ощущает себя обманутой и разводится. А не надо хотело! Мужчину надо любить «за то, что он есть». Без-условно. Тогда, если он полку прибьёт – радость, если осеменит – зайдётся в восторге. Если содержать будет – счастьем не будет предела.

Петров хмыкнул и подумал: интересно, а западных женщин тоже учат минимализму? Потом представил себе этот рай. Что никто с него дома ничего не спрашивает. И он, как пёс в мультфильме «Бобик в гостях у Барбоса»: «Хочу – котлеты ем, хочу – кисель пью, хочу – на транзисторе играю».

– Н-да, – в задумчивости сказал Петров и тут же спохватился и замолчал. Собрал журналы в аккуратную стопку и, поблагодарив, положил перед попутчицей.

* * *

– Понравилось? – спросила девушка.

Петров замешкался, потом взглянул в глаза:

– Нет.

– А почему? – заинтересовалась попутчица. Петров уже рассмотрел её: на вид лет двадцать восемь, ухоженная. Стрижка – каре чёрного цвета. Свитер с воротом почти до носа – девушка в него утыкалась, читая. Длинные рукава, закрывающие кисть почти до середины. Длинная юбка. Деревянные украшения.

Петров не доверял женщинам, на которых деревянные украшения. У них всегда революции в голове. Коллонтаевщина. Свободная любовь. Феминизм. Но самое страшное – это украшения кожаные. От таких женщин можно ожидать даже склонения к перемене пола.

– Они аморальны, эти журналы.

– Что именно?

– Всё, кроме рецептов. Пошло, вульгарно и вредно. Вы не обижайтесь, их же не вы писали...

– Вы ошибаетесь, их писала я. Работаю в одном из этих журналов, но под псевдонимами пишу ещё для нескольких.

Петров усмехнулся:

– Ах, вот оно что! Надеюсь, про генитальный герпес написали не вы...

– Какая именно статья вам показалась вредной? – не унималась попутчица.

– Вредно общее направление. Но, хорошо, давайте разберём. – Петров поёрзал, устраиваясь поудобнее. – С вашими «венцами безбрачия» – чёрт бы с ними... Но ведь у вас там и серьёзное есть... В паре журналов я встретил пропаганду идеи «никто никому ничего не должен». В последнее время она активно навязывается через СМИ. Вы внушаете её женщинам, девушкам. Но разве же это утверждение – правда? Нет. Мы все друг другу должны, и вы это прекрасно знаете. Я должен заплатить за билет на поезд и вести себя в нём хорошо, не буянить и не мусорить. Проводница должна принести мне завтрак и выдать чистую постель. Вы должны сдать своему журналу статью, он должен вам её оплатить. Но, конечно, пропаганда «отсутствия долгов» была затеяна не с целью формализации отношений пассажира и проводника... Это работа по разрушению семьи.

Девушка закатила глаза и улыбнулась.

– Да, да, – улыбнулся в ответ Петров. – Ваши журналы печатаются на неизвестно какие деньги... Разных НКО, фондов с сомнительным доходом, каких-то воров, которые настреляли людей в девяностые и теперь стали издателями... Ну, некоторые, конечно, на рекламу живут. Не самые роскошные.

– Да вы коммунист! – воскликнула попутчица. Она улыбалась, но большие, тёмные, похожие на перезревшую вишню глаза смотрели пристально и почти враждебно. – Ещё про скрепы расскажите!

– Ах, вы не любите патриотов, – кивнул Петров. – Но куда деваться, мы есть... Можете называть меня коммунистом, если угодно, хотя я не коммунист. Вот у вас в статье доказывается, что родители не должны детям, а дети – родителям. Вы стыдите матерей, которые на старости лет хотят, чтобы дети о них заботились. «Вы же не для себя их растили, не для своих эгоистических целей», – внушаете вы. Но это же демагогия! Да, растили детей не для того, чтобы они кормили в старости, но значит ли это, что дети должны бросить немощных родителей, наплевать на них, сбежать?

Вы рвёте связи поколений! И делаете это умышленно. Чтобы выросло хладнокровное поколение, которое считает, что оно никому не должно – ни родителям, ни Родине, ни супругу. Вы разрушаете семью. А вместе с семьёй разрушится страна. Потому что человек, идя на войну, в первую очередь думает о защите близких, потом – своего двора, города. И народа в целом. А вы внушаете, что он «никому не должен». Читай: ни родне, ни Родине. Ни коллективу, в котором трудится. Вот обучило меня государство хирургии бесплатно, а я – никому не должен! Лежит передо мной на операционном столе пациент, мне доверившийся... А я ему – не должен!

Петров рассмеялся и хлопнул себя по обтянутым джинсами ляжкам.

– Так ведь и родитель, по-вашему, не должен ребёнку! – продолжил. – Вы призываете не следить за сыном или дочерью, отпустить на все четыре стороны.

– Вы неправильно поняли, – холодно пресекла его девушка. – Мы имели в виду, что родители слишком вмешиваются в жизнь детей, мы призываем к тому, чтобы дать детям столкнуться с последствиями их ошибок, чтобы дети сами поняли, что были неправы...

– Да, я читал. Как журналистка описывала, что она позволяет своей шестнадцатилетней дочери уйти когда угодно и куда угодно, дружить с кем угодно, делать что угодно... С чем вы хотите, чтобы девочка столкнулась? С сексуальным насилием в подворотне? С ребёнком, зачатым спяну на молодёжной гулянке? Родитель не просто должен, а обязан контролировать жизнь ребёнка! Как ангел приставлен к человеку, так и мать с отцом приставлены к своему чаду. Это – семья. А вы рвёте эти связи, толкаете ребёнка к непослушанию, а родителей – к равнодушию.

Дверь открылась, появился проводник. Он бросил взгляд на Петрова и спросил девушку:

– Всё в порядке?

Видимо, Петров говорил слишком громко.

– Да. У нас тут митинг коммунистов, – отозвалась она.

– Чаю принесите, пожалуйста, – попросил Петров.

Проводник скрылся.

– Вы простите, что я так прямо и, может быть, слишком горячо. Не умею облекать слова в дипломатические одежды. Точнее, не считаю нужным. Слишком мало времени. Не у нас с вами, а вообще. Жизнь коротка.

Петров замолчал.

– В невинной фразе, что никто никому ничего не должен, вы видите вражий умысел? – спросила собеседница. – Может, и в масонов верите?

Петров проигнорировал вопрос. Верит, конечно. И не просто верит, а знает: своими глазами видел масонские клубы, когда ездил за границу. Да и в Петербурге на зданиях то всевидящее око, то циркуль и молоток.

– Во всём мире сейчас идёт борьба с семьёй, – продолжил он. – Её разрушают, подменя моральные ориентиры. Например, из обихода пытаются выкинуть слово «стыд». Стыда-де нет, есть только комплексы. И этот постулат, что ничего не стыдно, – трамплин, посредством которого человек должен взлететь к разврату. А где разврат – там нет семьи. Если стыда нет, значит, всё можно – изменять, участвовать в оргиях, рожать детей и бросать их в детдомах, спать с отцом, братом, другом мужа, сдавать родителей в дом престарелых. Детям в школе можно рассказывать о чём попало...

– Так, я не поняла, – тряхнула волосами девушка. – О'кей, мы зовём к разврату...

– К разврату и анархии. К хаосу. Чтобы каждый делал что хотел и никого не слушал. Чтобы для человека не было авторитетов...

– И такие выводы вы делаете только из-за невинной фразы «никто никому ничего не должен»?

– Она не невинная. Она разрушительная. А ещё у вас там есть другое активно внушаемое заблуждение: «Полюби себя». Причём, я заметил, глупым женщинам оно особенно нравится.

– Глупым? – переспросила собеседница, и Петров почувствовал сарказм.

– Я не имел в виду, что все женщины – глупые. Просто эти слова обычно повторяют недалёкие женщины... Это «полюби себя» талдычат в сериалах, в ток-шоу. Я полгода назад был в санатории, посмотрелся телевизора... Казалось бы, что общего между «полюби себя» и «никто никому не должен»? Общее – отрицание русского уклада жизни, в котором главное – общинность.

– Вы националист? Черносотенец... как же я сразу не догадалась...

– Нет, – удивился Петров. – Я просто рассуждаю... Перестаньте навешивать ярлыки. Эк вы меня... Итак, мы – коллективистский народ. У нас общественное выше личного, потому что наш народ всегда работал на земле, пахал и сеял. А на земле в одиночку мало что сделаешь. Так вот, если мы поставим личное выше общественного, то не соберём урожая, не выиграем войн, то будет... да вот то, что случилось в девяностые, и будет! Когда десяток ушлых наворовал, а остальные, глодая корку, сидели и слушали пропаганду, что права индивида превыше всего и «уважение к частной собственности – главное условие для развития успешного, демократического общества».

Девяностые – большое место в душе Петрова. Это его молодость, но он почти не вспоминал те годы. Как будто закрыл за ними дверь и опечтал. Настолько они были горькими. Иногда лишь вспоминал, что в операционных внезапно гас свет и много было пациентов с огнестрельными ранениями. Помнил, как ходили на рынок за одеждой, а, поскольку жульё резало сумки, деньги клали в стеклянные банки, и только потом в сумку. Попробуй вырежь! «У нас – самые надёжные банки», – смеялись.

К счастью, прошло это время. Но некоторые проблемы, им порождённые, остались.

Петров видел, что девушка к нему плохо относится и ей не нравится, что он говорит, но ему хотелось до неё достучаться. Ну не может же журналист не интересоваться мнением читателя? Должна же «дорогая редакция» слушать народ...

– У нас издревле общественное выше личного, – сказал Петров. – И любить надо ближнего своего. И жизнь отдать за други. На том, простите за пафос, стояла и стоит русская земля. И сейчас полно примеров, когда люди исповедуют эти постулаты и побеждают. Не они лично, а страна – благодаря им! Александр Прохоренко, например... Да многие, многие... И не сосчитать, сколько у нас героев!

Ежедневно совершаются подвиги, которые не попадают в СМИ. Человек отдаёт другому почку... Омоновец накрывает гранату террористов своим телом. Водитель подставляет под удар себя, чтобы спасти пассажиров. Да, вот такие мы! Считаю свою жизнь копеечкой, по сравнению с десятками или сотнями жизней. А вы внушаете: «Полюби себя»... То есть не падай на гранату. Не вызывай огонь на себя. Не говори правду, даже если она поможет многим.

– Что вы такое говорите? Мы пишем для женщин. Чтобы они заботились о себе, ухаживали за своим телом! Это просто... гламур! Лоск, красота!

– Тогда так и пишите: «Мойте лицо перед сном! Мажьтесь кремом!», но не пишите: «Полюбите себя». Потому что себялюбие – грех. Себялюбие – путь к отчуждённости. Любовь – это ведь... – Петров протянул вперёд руки, сложенные ковшиком: – Любовь – это ведь сгусток энергии, тепла и света. Это божественное. И вы можете отдать этот сгусток сыну, можете отдать мужу, можете поделить на них двоих. А если вы заберёте сгусток себе, то им уже ничего не достанется.

– Но почему бы не поделить этот сгусток на троих?

– На троих любовь не делится, – мрачно ответил хирург. – Любовь – не бутылка водки.

– Любовь к себе – это не любовь, – через некоторое время добавил он. – Если я буду любить себя, то не буду делать бесплатных операций, а перейду в частную клинику, а на моё место придёт молодой и неопытный и пополнит кладбище своим браком. Если я буду любить себя, а не жену, то она уйдёт и заберёт сына. И сын будет расти безотцовщиной, а жена будет, по вашим советам, бегать по женатым мужикам и думать о том, как не подхватить генитальный герпес. Любить себя – это извращение...

Он сказал это почти зло.

– Совок останется совком, – заключила собеседница, которую в темноте Петров уже почти не видел. – Судите всех...

– Вы ещё скажите: «Не судите, да не судимы будете». У нас либеральная интеллигенция страсть как любит эти слова. Как их судить начинают, сразу вспоминают. А как они других – так забывают.

– Почему вы считаете, что ваша жена без вас бегала бы по женатым мужикам? – вызывающе спросила девушка. В вопросе чувствовалась феминистическая нотка: дескать, вы считаете себя таким пупом, что помимо вас ваша женщина не нужна будет никому?

– Потому что у нас в стране женщин на 12 миллионов больше, чем мужчин, – ответил Петров. – Не знаю, насколько правдива цифра, но такую увидел в газете. Это значит, что 12 миллионов девушек и женщин не выйдут замуж. Что же им остаётся? Встречаться с женатыми. Отбивать. По вашим рецептам. Причём несчастных будет не 12 миллионов, а в два раза больше. В три! Считаю: сама незамужняя девушка плюс её женатый кавалер плюс жена кавалера. Итого 36 миллионов страдающих. И вот отбить не удалось. И девушка бежит к другому женатому... И делает ещё двоих несчастными... Вы спросили насчёт моей жены... А куда ей деваться в сорок с лишним лет, если бы она ушла от мужа? «Замуж поздно, сохнуть рано». Остаётся довольствоваться женатыми. Я не злорадствую. Я сострадаю. Это всё-таки женщины моего народа одиноки.

Оба молчали. Ехали так долго, слушали стук колёс. Потом включился свет, проводник принёс чай, стали ужинать. Ели молча и мирно, подвигая друг другу сдечь.

Потом улеглись.

– Знаете, что я о вас думаю? – вдруг спросила девушка.

– Что?

– Вы ненормальный. И я бы не хотела попасть к вам на операцию.

– А зря, – весело ответил Петров. – Я хорошо оперирую. У меня куча студентов. И студенток. И некоторые даже в меня влюблены.

– Они вас плохо знают.

– А вы прямо хорошо узнали...

– О, да! Для меня ваше сердце – как на ладони.

– Заигрываете? Напрасно. Я не трачу силы на интрижки.

– Потому что вы зануда.

– Потому что сексуальная энергия, не найдя выхода, трансформируется в творчество, – засмеялся Петров. – А операции – это творчество. Хотя и кажется, что они похожи друг на друга.

– Но жена же у вас есть...

– Жёны оставляют мужчине часть своей энергии. А любовницы высасывают её.
– А зачем вы мне рассказали про 12 миллионов одиноких женщин?
– Чтобы вы в своих журналах решали эту проблему, а не несли ахиною про венец безбрачия.
– И как её решить?
– Страна должна заняться здоровьем мужчин. Да! Всё время говорится о здоровье матери и ребёнка – это, конечно, правильно. Но теперь надо заняться здоровьем мужчин. Чтобы они не погибали от алкоголя и наркотиков до тридцати лет. Чтобы на производстве соблюдалась техника безопасности... А то... вы видели, как рабочие на крышах четвёртого этажа работают? Я видел недавно. Без тросов, в тапках! За границей на стройку не пустят без каски, страхующего троса и ботинок с железными носками. Чтобы, если кирпич упал, ноге ничего не было. А у нас рабочие падают, ломают позвоночники, лежат в коме... И всё списывают на несчастный случай, никто не виноват... Пропаганду против курения надо вести повсеместно и вырезать, не жалея, из фильмов куски, на которых положительные герои закуривают. И наливают... Правда, тогда от фильмов останутся рожки да ножки... У нас ведь – вы не заметили? – постоянно в кино закуривают и наливают. С горя, с радости, в раздумьях...

– Удавиться с вами можно от скуки, – сказала девушка. – Вы хоть пьёте или совсем положительный?

– Пью. Спирт. Мы все пьём. Работа стрессовая.

– Ну, хорошо. А то я думала, вы совсем...

– Это вы так за мою любовь к Родине? Претит она вам?

– Такую родину не за что любить! И всякий образованный человек это понимает. Такую родину надо разрушить и отстроить заново. Но надо, чтобы сначала динозавры вроде вас вымерли. Со своими советскими штучками. «Америка – враг, западные ценности – лживые, деньги – зло», – передразнила кого-то девушка. – Вы не умеете жить, умеете только страдать! За родину, «за други», за Сталина.

– Но ведь жизнь и есть страдание, – задумчиво произнёс Петров. – Если б вы видели то, что вижу я... Одно сплошное страдание. И священники видят то же самое... Причём не только у нас, а и в Америке тоже. Там тоже муки сплошь и рядом. Нет, можно, конечно, жить дураком и не замечать...

– А я вижу радость и гламур. Богатство и счастье. О чём думаешь, то и будет.

– Сперва гламур, потом рак мозга. Лёгкий прыжок от вас к нам.

– Не хочу вас слушать.

– Не слушайте. Просто любите нашу страну. Это неестественно – не любить родину. Девиантное поведение. Ненормальное.

– Пошла она... У меня грин-карта, я скоро уеду.

– Вот и хорошо... Там и учите всякой ерунде.

И оба сразу уснули. А поезд нёсся, и стучал колёсами, и даже изредка гудел, но ни мужчина, ни женщина ничего не слышали. Они ехали по огромной, тёмной, освещённой луной стране, которая для кого-то – мрачная и угрюмая, а для кого-то – единственная и неповторимая, и за которую один из них готов был отдать жизнь, а вторая не дала бы и ломаного гроша. И страна выталкивала её, как женский организм на ранних стадиях выталкивает неправильно развивающийся плод. Так было нужно для её, страны, женского выживания. Выкинуть уroda.

* * *

К обеду следующего дня, выспавшись, Петров приехал в больницу. А там – суматоха. В пригороде случился пожар. И какой-то парень вытащил из огня троих детей. С последним малышом его придавило балкой. Ребёнка удалось спасти, парень – в тяжёлом состоянии. Обо всём этом вкратце рассказала ассистентка.

Петров шёл на операцию и пытался не слишком сострадать. Сострадание к больному – не к добру. Лучше не воспринимать его как личность. Это знают все хирурги – что с обезличенным больным работать спокойнее. Шансов на волнение, а значит на ошибку меньше.

Он вошёл в операционную и превратился в механизм – в тонкий и опытный человекоприбор по проведению операции на головном мозге. Всё оказалось не так плохо. Жить пациент будет и, скорее

всего, будет и ходить, говорить. Конечно, гарантий никаких, но шансов на нормальное развитие событий – много. Как оно и что – станет ясно через несколько часов.

* * *

– Игорь Олегович, Ларин глаза открыл, динамика положительная. Понимает, что говорим, закрытием глаз отвечает, – радостно сообщила медсестра о прооперированном герое. Она сидела за столом в больничном коридоре. Рядом с ней – с воспалённым взором, напряжённая, с красным от слёз лицом, видимо, мать парня.

– Вы не представляете, как мы вам благодарны, – женщина приложила руку к груди и замерла, не в силах найти слова.

Петров кивнул ей и попросил медсестру:

– Сообщите мне через три часа, как его дела. Я домой...

...Он ехал по чистой, умытой дождём улице, по бокам которой стояли, как медсёстры у операционного стола, тонкие берёзки. Сквозь открытое окно в машину входил нежно и незаметно, словно анестетик, воздух, полный запаха трав и деревьев. Петров остановился у маленького базарчика, на котором четверо пенсионерок торговали соленьями, яблоками, ягодами и грибами, и купил у каждой всего помаленьку. Покупал и чувствовал, что любит их – этих бабок-пересмешниц, которые, торгуя, беззлобно подкалывают друг друга. Одна из них когда-то давно, в девяностые, когда из магазинов исчезла туалетная бумага, продавала её здесь, сидя на чурбачке.

– Мягкая? – взял тогда в руки рулон Петров.

– Ага, всю ночь для тебя мяла, – хихикнула бабка. Все вокруг засмеялись, и он, Петров, громче всех.

Вот и сейчас пенсионерки попрекали друг друга несуществующими «амурами» и смеялись.

Мимо пробежала собака, и Петров, проводив её взглядом, почувствовал, что и её любит, эту собаку. Животные пошли какие-то... как люди. Плачут, спасают друг друга, обнимаются... Сын иногда показывает ему такие видео из Интернета. Игорь вспомнил слова прабабушки, которая говорила, что «перед последним концом всё перемешается, и звери, которые охотились друг на друга, будут друг друга любить». Так ей священник рассказывал. Ещё батюшка говорил, что к тому времени «девки будут бесстыжими, юбки будут по колено носить».

А уж давно носят куда короче. Выходит, мы перед самым что ни на есть распоследним концом.

Ну и ладно. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. А сегодня Петров рад. Потому что больной жив и есть большая надежда – выздоровеет. И как же хорошо, что все друг другу должны! Ларин, идя мимо горящего дома, должен был спасти детей, а он, Петров, должен был сохранить жизнь парня. И сейчас он придёт домой, и Маша должна ему – непременно! – соорудить наилучший ужин и обеспечить покой. Нет, в обществе, где друг другу должны, жить намного удобнее!

* * *

...Через три часа ему сообщили, что больной Ларин в порядке, осложнений не предвидится.

